

ОЧЕРКИ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ¹⁾.

III. Вогъ не выдасть!²⁾.

Селясь по Тереку и Кубани, образовывая городки и станицы, казаки естественно считали церкви центромъ своей духовной и общественной жизни. Въ храмъ Божій собирались они по благовѣсту на молитву. Набать сзывалъ казаковъ на пожаръ и тревогу. Церковнымъ же звономъ старались наши предки прогнать грозовую тучу и саранчу. На литургію сходилось все населеніе станицъ. Тутъ начинались и кончались всѣ дѣла. И долго, по окончаніи службы, стояли у своей церкви казаки. Естественнымъ наставникомъ, совѣтникомъ и другомъ паствы часто являлся священникъ. Поэтому къ его авторитету прибѣгало начальство изстари, для объявленія въ церкви послѣ литургіи разнаго рода распоряженій.

Такъ патріархально и просто шло дѣло до 1849 года.

Но тутъ повздорилъ въ станицѣ Михайловской командиръ 4-й бригады Кавказскаго линейнаго войска полковникъ Войцицкій³⁾ съ благочиннымъ, священникомъ Михайло-Архангельской церкви, отцомъ Герасимомъ Сперанскимъ. Долго караулили полковникъ своего врага, не упускалъ случая доносить о его провинностяхъ наказному атаману⁴⁾ и, наконецъ, нашель случай доканать священника. Въ Іюль 1849 года послѣдовало распоряженіе командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи, генераль-лейтенанта Завадовскаго, о прочтеніи, три Воскресенія подрядъ, во всѣхъ церквахъ по окончаніи литургіи, приказа князя

¹⁾ См. выше, стр. 68.

²⁾ Дѣла войскового дежурства 1849 г.—№ 318. Связка 12—дѣло 100.

³⁾ Католикъ.

⁴⁾ Феликсъ Антоновичъ Круковскій, католикъ.

Воронцова, чтобы казаки не смѣли обращаться къ высшимъ властямъ, минуя своихъ непосредственныхъ начальниковъ. Приказъ, разумѣется, былъ выполненъ во всѣхъ церквяхъ Кавказскаго линейнаго войска, за исключеніемъ Михайло-Архангельской.

Случаемъ этимъ воспользовался полковникъ Войцицкій и къ Феликсу Антоновичу полетѣлъ рапортъ съ жалобой на строптиваго священника. Начальство тогда не знало препонъ и преградъ власти и, воинственный и рѣшительный Круковский, ничто же не сумняшеса, рѣшилъ наказать отца Герасима Сперанскаго. Войсковое дежурство запросило священника о причинахъ неисполненія приказа начальства.

Но и попъ не дремалъ. Онъ прежде всего постарался затянуть дѣло. И лишь на повтореніе дежурства отвѣтилъ, что до сихъ поръ никакого запроса отъ послѣдняго не получалъ. Тѣмъ же временемъ, очевидно, самъ обратился къ защитѣ въ Тифлисъ къ оберъ-священнику отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, протоіерею Лаврентію Михайловскому.

По крайней мѣрѣ на довольно рѣшительную просьбу г.-л. Круковского о взысканіи съ отца Сперанскаго, оберъ-священникъ отвѣтилъ слѣдующее: „Непослушаніе въ семъ случаѣ священника Сперанскаго благоразумно, не только не противозаконно; слѣдовательно не подлежитъ ни суду, ни взысканію. Опрометчиво, напротивъ, поступили другіе священники, выполнившіе подобныя требованія полковыхъ правленій и подлежатъ строгому взысканію потому, что объявленіе въ Православной церкви прилично только о дѣлахъ церкви или ея догматахъ, или важныхъ іерархическихъ распоряженіяхъ, или, наконецъ, о происшествіяхъ, касающихся дѣлъ государственныхъ или Августѣйшаго Императорскаго Дома, и никогда о частныхъ гражданскихъ, въ которыя духовенству вмѣшиваться вовсе не слѣдуетъ. Изъ обстоятельствъ сихъ ясно изволите усмотрѣть, что не причтъ Михайловской станицы подлежитъ взысканію, *а тѣ, которые, не понимая или не хотя понимать своихъ отношеній къ духовенству, стѣсняють его неосновательными требованіями и увлекають начальство въ непріятныя перепутки.* По сему долгомъ начальника станичнаго духовенства обязываюсъ просить ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, дабы ни станичное, ни полковое правленіе не позволяло себѣ простираť власти свои на священниковъ и не обременяло бы ихъ непосильными, а часто незаконными требованіями, и тѣмъ положить предѣлъ разнымъ нестройніямъ, происходящимъ отъ неразумнія отношеній станичныхъ начальниковъ или полковыхъ командировъ къ духовенству, естественно влекущаго за собою вредныя послѣдствія: ибо, что можетъ успѣть духовенство въ дѣлѣ служенія его, если оно въ глазахъ простаго народа

будетъ такъ притѣсняться мѣстнымъ военнымъ начальствомъ? Какое же будетъ сдѣлано по сему предмету распоряженіе, покорнѣйше прошу почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ“.

Получивъ такую бумагу, Круковскій видимо почувствовалъ себя въ самомъ глупомъ положеніи. Умный оберъ-священникъ, правда, билъ не по коню, а по оглоблямъ, но кто долженъ былъ себя признать „тѣми, которые и т. д.“. И Круковскій рѣшилъ передать эту честь г.-л. Завадовскому, къ которому вся переписка и была направлена „на благоусмотрѣніе“.

Командовавшій войсками Кавказской линіи и Черноморіи поступилъ однако въ высшей степени умно и рѣшительно. Онъ принялъ всю отвѣтственность на себя и просилъ оберъ-священника все это дѣло „какъ не влекущее за собою никакихъ послѣдствій, оставить безъ дальнѣйшаго производства“; г.-м. же Круковскому было предписано всѣ распоряженія впредь въ станицахъ читать при церквахъ, или на мирскихъ сходкахъ.

IV. Рѣдкая награда *).

Въ началѣ Февраля 1856 года изъ образцоваго конно-артиллерійскаго казачьяго дивизиона былъ за неспособностью отправленъ въ войско бомбардиръ Алексѣй Сазоновъ. Онъ прибылъ въ станицу Суворовскую и явился командующему конно-артиллерійскою казачьею № 14 батареею капитану Крыжановскому.

На груди у бомбардира сіялъ на Владимирской лентѣ какой-то особенный знакъ отличія. Это былъ довольно большого размѣра крестъ съ изображеніемъ на концахъ: Николая Чудотворца, Александра Невского, Архистратига Михаила и Георгія Побѣдоносца и съ надписью: „Богъ намъ прибѣжище и сила, а спасеніе крестъ“.

Нечего говорить, что подобная, до тѣхъ поръ невиданная въ Россійской арміи награда возбудила всеобщее вниманіе и на вопросъ капитана Крыжановскаго, что это за крестъ, Сазоновъ отвѣчалъ: „Крестъ этотъ былъ мнѣ пожалованъ Государемъ Императоромъ за стоянку на позиціи противъ войска Аглицкаго, на морѣ Балтійскомъ“.

Тогда капитанъ Крыжановскій, не найдя объясненія въ формулярѣ артиллериста, рапортомъ запросилъ командира образцовой батареи полковника Осипова, который отвѣтилъ, что бомбардиръ Сазоновъ никакимъ особеннымъ знакомъ отличія удостоиваемъ не былъ. Поэтому

*) Арх. Войскового Дежурства, Св. № 47—дѣло 733.

командующій № 14 батареѣ просилъ по командѣ о законномъ разслѣдованіи, за какіе именно подвиги жалованъ состоящему на льготѣ бомбардиру Сазонову знакъ на Владимирской лентѣ. Пройдя нѣсколько инстанцій, переписка черезъ четыре мѣсяца попала для исполненія къ начальнику Новотроицкой станицы.

Призванный въ станичное правленіе, бомбардиръ Сазоновъ показалъ: „Крестъ этотъ былъ мнѣ переданъ въ 1854 году командиромъ дивизіона полковникомъ Осиповымъ. Въ отрядѣ я его не носилъ въ то время, а когда отправился на Кавказъ, то спросилъ у полковника, гдѣ мнѣ прикажетъ носить этотъ знакъ, на груди или на шеѣ, на что командиръ отвѣтилъ: „Царскую награду гдѣ хочешь, тамъ и носи“. Послѣ этого, въ пути слѣдованія, я самъ возложилъ крестъ на себя на Владимирской лентѣ“.

Переписка опять пошла въ образцовый дивизионъ съ просьбою увѣдомить „надписью на семь же“, дѣйствительно-ли означенный знакъ былъ пожалованъ бомбардиру Сазонову за бытность его на Балтійскомъ морѣ, на позиціи противу Англичанъ.

Трудно себѣ представить, какой эффектъ произвела эта переписка на полковника Осипова, въ тогдашній вѣкъ формалистики, шнурочковъ и кантиковъ. Онъ увидѣлъ лишь одно: его, командира образцовой батареи, любимца генералъ-фельдцейхмейстера, его, отъ котораго долженъ былъ исходить свѣтъ трынчиковъ и ремешковъ, его обвинялъ какой-то дерзкій казакъ въ раздачѣ какихъ-то небывалыхъ наградъ. И, подъ влияніемъ горькой обиды, въ отвѣтъ своемъ онъ называлъ поступокъ Сазонова „неслыханнымъ ложнымъ и противозаконнымъ дерзкимъ вымысломъ“ и просилъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства съ преданіемъ суду. Однако въ концѣ своего отношенія полковникъ Осиповъ писалъ:

„При семъ, въ объясненіе дѣла, присовокупить честь имѣю, что Его Императорское Высочество генералъ-фельдцейхмейстеръ при выступленіи образцоваго дивизіона въ 1854 году въ походъ противъ Англо-Французовъ выразилъ дивизиону особую милость, прощаясь, какъ отецъ съ дѣтьми, и осчастливилъ всѣхъ крестнымъ знаменіемъ отцовскаго благословенія, на какой предметъ выслалъ при рескриптѣ на мое имя священные кресты, которые и были розданы мною, какъ г. г. офицерамъ, такъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ, въ томъ числѣ и Сазонову, о чемъ и было объявлено тогда же въ приказѣ по дивизиону. А потому не этотъ ли даръ святыни, удостоенный Его Высочествомъ, считаетъ дерзкій казакъ Сазоновъ—знакомъ отличія и выдумываетъ ложныя показанія на своего командира дивизіона“.

Ларчикъ открывался просто. И когда многолистная переписка дошла до наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго войска, то генералъ-маіоръ Рудзевичъ, принявъ во вниманіе, что бомбардиръ Сазоновъ былъ отправленъ въ войско за неспособность, а также, что неспособность бываетъ и умственная, очень просто рѣшилъ дѣло. Онъ приказалъ объявить бомбардиру Алексію Сазонову, что священный крестъ, пожалованный имъ въ числѣ прочихъ чиновъ образцоваго дивизиона великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, онъ обязанъ носить не въ петлицѣ и не на Владимирской лентѣ, а точно также, какъ носить вообще всѣ священные кресты, т. е. на тѣлѣ подъ рубашкою.

V. О дѣвицѣ Шабельской, завезенной съ двумя дѣтьми ея изъ Варшавы на Кавказъ *).

Въ сводно-иррегулярномъ дивизионѣ Кавказскаго Линейнаго войска въ Варшавѣ служило много туземцевъ уроженцевъ сѣвернаго Кавказа. Поляки смотрѣли на нихъ, какъ на жертвъ Русскаго произвола. А они, красивые, рослые и пылкіе, сбили съ толку не одну бѣлокурую головку.

Не избѣгъ этой участи и прапорщикъ Чахой Шамсединовъ, плѣнивъ дочь квартирной хозяйки, красавицу Франциску Шабельскую. Наслаждаясь прелестями жизни въ Варшавѣ, Ногаецъ совершенно забылъ и ауль, и Магометанскую семью. Онъ весь отдался Полькѣ и обожалъ двухъ дочерей.

Но скоро наступилъ часъ расплаты. Неумолимая судьба звала Шамсединова на родину. И вотъ, пообѣщавъ принять Православіе и жениться, прапорщикъ, не заглядывая далеко въ будущее, въ Мартѣ 1856 года поскакалъ черезъ Ставрополь на перекладной съ Франциской и дѣтьми къ посту Осторожному.

Но то, что казалось возможнымъ въ Варшавѣ, стало труднымъ на Кавказѣ. Все родство, весь Мусульманскій міръ аула, предупрежденный о намѣреніи Шамсединова измѣнить вѣрѣ отцовъ, да притомъ изъ-за женщины, возмутился. На посту уже поджидали прапорщика родственники, прибывшіе изъ-за Кубани со многими Ногайцами. Франциску съ дѣтьми усадили на воловую арбу и повезли въ ауль. Тутъ въ саклѣ четыре мѣсяца жила она съ Шамсединовымъ. Наконецъ, его подъ предлогомъ службы удалили, и Франциска осталась одна. Держали ее въ самомъ черномъ тѣлѣ и большой нуждѣ.

*) Архивъ войскового дежурства, дѣла № 959 и 1118.

Тогда мужественная женщина рѣшила бѣжать къ тѣмъ самымъ Русскимъ, которыхъ такъ глубоко ненавидѣла въ Варшавѣ. Темною ночью явилась она въ Бѣломечетское станичное правленіе и принесла жалобу на обольстителя. Шавельскую немедленно отправили въ Ставрополь.

Войсковое правленіе, какъ водится, взглянуло на дѣло по канцелярски. Оно считалось не съ людьми, а съ документами и, разсматрѣвъ паспортъ Шавельской, постановило: „такъ какъ срокъ послѣдняго кончился, и Шавельская къ мѣсту своего жительства не вернулась, то тѣмъ самымъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ худыхъ поступкахъ и особенно въ блужданіи по Кавказу, а потому полагать ее въ бѣгахъ и вернуть въ Баталпашинскъ для производства разслѣдованія“.

Затѣмъ станичнымъ правленіемъ по тракту отъ Ставрополя было приказано препроводить въ пятую бригаду запечатанный конвертъ, а при немъ дѣвицу Шавельскую съ двумя дѣтьми на паро-воловоу подвождѣ подъ строгимъ присмотромъ.

Шавельскую съ дѣтьми посадили подъ строгій караулъ, но бригадное начальство приложило всѣ старанія вывести изъ тяжелаго положенія несчастную Польшку. Слѣдователю по ея дѣлу, хорунжему Ильину, удалось вызвать прапорщика Шамсединова и взять съ него письменное обѣщаніе перейти въ Православіе и жениться на Шавельской.

Осталось только переженить ихъ, совершивъ необходимыя формальности. Но Шамсединовъ не нашель съ себѣ достаточной рѣшимости идти противъ родни. Онъ снова отказался отъ даннаго обѣщанія, сославшись на Магометанскіе законы, просилъ о прекращеніи дѣла и отправкѣ Шавельской на его счетъ въ Варшаву.

Наказный атаманъ имѣлъ, конечно, полную возможность принудить Шамсединова исполнить данное имъ письменное обязательство; но соответствовалъ ли такой образъ дѣйствія догматамъ Православной вѣры, а главное политикѣ нашей на Кавказѣ, краугольнымъ камнемъ которой была полная вѣротерпимость? Не слѣдовало-ли опасаться, что принудительный переходъ Шамсединова въ Православіе дастъ поводъ къ взрыву неудовольствія среди фанатиковъ-магометанъ и какъ разъ въ то время, когда близилась развязка съ Шамилемъ?

Разумъ перевѣсилъ голосъ сердца, и генераль-маіоръ Рудзевичъ заставилъ Шамсединова лишь матеріально обезпечить Шавельскую. Но наказный атаманъ приказалъ ее увезти съ отправляющимся въ Варшаву дивизиономъ, дать ей подводу изъ числа положенныхъ подъ тяжести и заболѣвающихъ нижнихъ чиновъ и продовольствовать въ пути,

дабы сохранить ей 180 рублей, взысканных съ Шамсединова на проѣздъ до Варшавы.

Мать выговорила право увезти дѣтей.

Такъ сердечно отнеслось войсковое начальство къ попавшей въ тяжелое положеніе женщинѣ. Преслѣдуя добрую цѣль, генералъ-маіоръ Рудзевичъ не побоялся „превысить власть“, и никому въ голову не пришло осудить его. Шабельская благополучно прослѣдовала съ дивизиономъ до Новградъ-Волинска, гдѣ и пожелала остаться.

Устное преданіе дополняетъ эту исторію сказаніемъ, что Шабельская горько оплакивала любимаго человѣка. Но извѣстно, что все добро вырастаетъ изъ материнскихъ слезъ; вѣроятно поэтому въ 1859 году прапорщикъ Шамсединовъ вернулся къ своей первоначальной мысли и пожелалъ окончательно воспринять свѣтъ ученія Христова.

VI. Свадьба *).

Вдова казака Прасковія Кочеткова выдавала замужъ дочь свою Акулину за крестьянина Рязанской губерніи Петра Попова. Въ чихирѣ и водкѣ не было недостатка. Гости чувствовали уже себя въ томъ блаженномъ состояніи, когда языкъ начинаетъ развязываться, да и ноги сами идутъ плясать. Обязанности дружки исполняли внутреннослужащій казакъ Горскаго полка Павелъ Поляковъ и особенно-рьяно относился къ выполненію всѣхъ установленныхъ стариною свадебныхъ обычаевъ.

Наконецъ, приближалась торжественная минута. Когда молодые удалялись въ свадебный покой, дружка Поляковъ передалъ новобрачному ружье и приказалъ въ знакъ торжества въ необходимую минуту сдѣлать салютъ въ землю. Самъ же Поляковъ остался за затворенною дверью и подсматривалъ въ скважину, очевидно, опасаясь, что крестьянинъ Поповъ, какъ человѣкъ не военный, пропуститъ время и забудетъ про салютъ.

Но новобрачный оказался на высотѣ положенія. Напряженное состояніе гостей вскорѣ было удовлетворено раздавшимся громкимъ выстрѣломъ. Пороху очевидно не пожалѣли. Но, стрѣляя, Поповъ приподнял дуло нѣсколько вверхъ, и дробь, которою было заряжено для „гулкости“ ружье, ушла не въ землю, какъ предполагалось, а пробивъ досчатую дверь, угодила въ обѣ голени старательному и любопытному дружкѣ.

*) Архивъ войскового правленія св. 16, дѣло 364.

Поляковъ упалъ на полъ: подъ нимъ образовалась лужица крови. Женщины попадали въ обморокъ. Находившійся въ числѣ гостей станичный фельдшеръ бросился къ раненому и нашелъ въ обѣихъ голеняхъ 28 небольшихъ ранокъ отъ вошедшей довольно крупной дроби и оставшейся въ икряныхъ мускулахъ. Раны признаны были неопасными для жизни и Поляковъ вскорѣ выздоровѣлъ: однако въ лѣвой голени осталось полусведеніе, и Поляковъ былъ признанъ неспособнымъ къ строевой службѣ.

Разсмотрѣвъ это дѣло, Ставропольская Палата гражданскаго и уголовного суда освободила крестьянина Попова отъ всякой отвѣтственности, но вынесла слѣдующую, довольно ехидную сентенцію: „Такъ какъ вообще на Кавказѣ, особенно въ казачьемъ вѣдомствѣ, существуетъ дѣйствительно обыкновеніе при свадьбахъ стрѣлять изъ ружья, а по законамъ гражданскимъ стрѣлять въ жилыхъ мѣстахъ безъ необходимости совершенно воспрещается, безъ всякихъ изъятій, то можетъ ли это обыкновеніе допускаться на будущее время и не будетъ ли оно противно ограждающимъ личную безопасность военнымъ постановленіямъ, представить разсмотрѣнію его высокопревосходительства г. командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи“. Сей послѣдній постановилъ просить наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго войска генералъ-маіора князя Эристова распорядиться: для отвращенія на будущее время подобныхъ происшествій подтвердить строжайше жителямъ войска, чтобы они при стрѣльбѣ непремѣнно соблюдали установленныя по военной части правила.

Очевидно, въ виды военнаго начальства не входило запрещать казакамъ владѣть оружіемъ при всѣхъ случаяхъ жизни.

Достопамятное происшествіе на свадьбѣ имѣло мѣсто въ Екатериноградской станицѣ 12 Октября 1851 года.

VII. Самашкинское звѣрство¹⁾.

Къ 1852-мъ въ главныхъ чертахъ было уже окончено начатое Николаемъ Павловичемъ Слѣпцовымъ устройство Верхне-Сунженской линіи.

Изъ вызванныхъ съ Терека, Кубани и съ Дону казаковъ было заселено по лѣвому берегу Сунжи пять станицъ: Троицкая, Сунженская

¹⁾ Дѣло 3-го стола Войскового дежурства № 415.

(нынѣ Слѣпцовская), Михайловская, Самашкинская и Алханъ-Юртовская (Ермоловская), да по рѣкѣ Ассѣ одна—Ассинская.

Въ новыя станицы эти пошли казаки-поселенцы двухъ родовъ: охочіе люди, т. е. тѣ сильные и предприимчивые, энергія которыхъ искала выхода на новыхъ мѣстахъ. Они стремились на Сунжу въ надеждѣ подвиговъ, славы и быть можетъ, плодородной земли и добычи. То были безусловно лучшіе въ боевомъ отношеніи люди Линейнаго войска, принесшіе, какъ и прежде, великую пользу при новомъ толчкѣ распространенія Русскаго владычества. Остальные поселенцы (а ихъ было большинство) двинулись по жребію, по принужденію, и шли они конечно безъ особеннаго удовольствія. На Дону¹⁾ разрѣшалось даже вынужденнымъ жребіемъ нанимать вмѣсто себя бѣдняковъ, снабжая ихъ скотомъ и деньгами. Расселившись по новымъ Сунженскимъ станицамъ, эти переселенцы, не привыкшіе къ хозяйству и домовитости, быстро растратили привезенное съ собою имущество и превратились въ такихъ же бѣдняковъ, какими были и прежде. Нравственностью своею они, конечно, не могли похвалиться.

Линейныхъ казаковъ, разумѣется, не могла удивить чисто-боевая обстановка жизни на Сунжѣ; но Донскіе переселенцы попадали въ необычныя условія существованія. Имъ пришлось столкнуться съ совершенно новымъ міромъ по понятіямъ и воззрѣніямъ. Ближайшими сосѣдями ихъ явились аулы такъ называемыхъ мирныхъ горцевъ, за которыми дальше находились уже поселенія Чеченцевъ, открыто воевавшихъ съ нами. И тѣ и другіе отличались храбростью, жестокостью, ловкостью, находчивостью, хитростью, корыстолюбіемъ, лицемѣріемъ и коварствомъ. Прямо Русскому человѣку трудно было ужиться съ людьми, которые всегда готовы предать, и на обѣщанія и клятвы которыхъ нельзя было положиться.

Устройство Верхне-Сунженской линіи, т. е. появленіе Русскихъ городковъ въ мѣстности, которую Чеченцы считали своею, подняло всѣхъ туземцевъ противъ насъ. Кромѣ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ начальствомъ Шамиля и его набовъ, Чеченцы мелкими партіями и даже по одиночкѣ, по собственному почину, дерзко нападали на насъ, сознательно мѣшая Русскому водворенію. Въ каждой балкѣ и оврагѣ, за всякимъ кустомъ и камнемъ можно было ждать Чеченца. Они бросались на всякаго проѣзжаго, на работающихъ въ полѣ, на безопасныя посты, на жепщинъ и дѣтей. Смерть и тяжелый плѣнъ грозили каждому.

Приходилось потому казакамъ воздѣлывать поля лишь въ ближайшихъ окрестностяхъ станицъ, да и то подъ прикрытіемъ²⁾. Работали

¹⁾ Статистическія монографіи Терскаго казачьяго войска 1881 г. стр. 98.

²⁾ П. Л. Юдинъ. Г.-м. Слѣпцовъ, какъ устроитель Сунженской линіи, стр. 10.

старики, женщины и подростки, а служилые казаки оцѣпляли мѣстность, наблюдая за появленіемъ непріятеля. На ночь никто не оставался въ полѣ. Съ захожденіемъ солнца и люди, и четвероногіе всё убирались въ станицу. Послѣднія представляли собою маленькія крѣпостцы, расположенныя на разстояніи не болѣе полу-перехода одна отъ другой. Обыкновенно станица была въ родѣ полигона, большею частію черыреугольника, и была обнесена валомъ съ землянымъ тыномъ и окопана довольно глубокимъ рвомъ. Выходъ ограждался воротами, а по угламъ располагались башни-барбетты, вооруженныя гарнизонными орудіями. На болѣе возвышенномъ мѣстѣ, внутри станицы, возводилась вышка, съ которой часовой наблюдалъ за окрестностью. При появленіи значительной партіи, на верху вышки зажигался пукъ соломы. Тогда поднималась тревога, раздавались вѣстовые выстрѣлы, часть казаковъ спѣшила къ валамъ, а большинство скакало въ поле, чтобы соединенными усиліями съ помощью другихъ станицъ поразить и прогнать хищниковъ.

Жизнь казака была не легка. Но особенно допекали Чеченцы ското-и коно-крадствомъ. Грабили одинаково и мирные аулы и во всякомъ случаѣ всегда помогали родичамъ укрывать и угонять украденныхъ у казаковъ животныхъ.

16-го Марта 1852 года изъ Заканъ-Юртовскаго аула отправились въ Казакъ-Кичу *) къ своимъ роднымъ жена Чеченца Мусы Исаева съ двухлѣтнею дочерью Докунуръ, съ родною сестрою Мусы, восемнадцатилѣтнею дѣвицею, и съ своею родною сестрою, вдовою Хосяпать, а всего вчетверомъ на пароволовой арбѣ. Женщины побывавъ у родныхъ, должны были въ тотъ же день вернуться домой. Однако пришелъ вечеръ, а ихъ не было. Поэтому на другой день послали мальчика въ Казакъ-Кичу, разузнать, чтѣ съ ними случилось. Мальчикъ вскорѣ вернулся. Оказалось, женщины еще въ полдень выѣхали обратно изъ Казакъ-Кичу.

Аулъ всполошился, и вскорѣ все населеніе вышло на поиски. Не доходя трехъ верстъ до станицы Самашкинской, Чеченцы увидѣли колеи арбы, свернутой съ дороги къ сторонѣ Сунжи и слѣдъ сапогъ, подбитыхъ гвоздями. Идя по слѣдамъ, туземцы дошли до глубокаго оврага, ведущаго въ лѣсъ у рѣки. Послѣ недолгихъ поисковъ, на днѣ оврага нашли изрубленные и избитые трупы женщинъ и ребенка около опрокинутой разбившейся арбы.

*) Рапортъ завѣдывающаго лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи отъ 21 Августа 1852 года № 528.

Преступленіе конечно не было совершено Чеченцами. Объ этомъ зналъ бы Заканъ-Юртъ въ силу крѣпкой сплоченности и взаимнаго укрывательства, до нынѣ существующихъ у нихъ. Тогда Присунженскіе Чеченцы безусловно молчали бы; между тѣмъ они повсюду заговорили объ убійствѣ, очевидно съ цѣлью, чтобъ слухъ о преступленіи дошелъ до Русскаго начальства. Прямо жаловаться, изъ опасенія мести казаковъ, не допускала Азіатская политика мирныхъ Чеченцевъ.

И молва, попавъ въ уста Русскаго человѣка, сдѣлало свое дѣло. Прибывшій 16 Марта въ Самашки вновь назначенный начальникъ станицы¹⁾, сотникъ Отченашенко уже на другой день „какъ-то стороною узналъ объ убійствѣ“.

Но поднимать это дѣло казачьему начальству было не къ чему, даже совершенно невыгодно. Сталкиваясь въ жизненномъ обиходѣ съ тяжелыми условіями казачьей жизни и близко зная Чеченцевъ, полковое начальство предъявляло казакамъ суровыя требованія. Командиръ 1-го Сунженскаго полка Кавказскаго Линейнаго войска, полковникъ Предмировъ, заставлялъ посылать въ непокорныя мѣста, т. е. за Сунжу, Ассу и Урусъ-Мартанку, казаковъ для занятія „удобныхъ подь дорогами мѣсть секретами для отраженія непокорныхъ горцевъ отъ вторженія въ наши предѣлы“. Сотенные командиры уже болѣе опредѣленно развивали инструкцію охотникамъ. Отлично зная про участіе въ грабежахъ и мирныхъ Чеченцевъ, они говорили: „Казакамъ слѣдуетъ быть развѣзжающими около станицъ на переправахъ и, не разбирая въ ночное время, мирный или не мирный Чеченецъ, кто бы ни вѣхалъ, конный или шель пѣшій, оклику не дѣлать, а бить“. Этого суровый, но единственно дѣйствительный способъ дѣйствій противъ шакаловъ, конечно шель въ разрѣзъ съ этикою, а главное съ требованіями высшаго начальства, говорившаго изъ Тифлиса и Ставрополя: „Не оставьте внушить всѣмъ и каждому о необходимости кроткихъ и миролюбивыхъ отношеній къ Азіатцамъ, какъ единственное средство общаго спокойствія въ покоренныхъ отъ непріятели странахъ подь строгую отвѣтственность ближайшаго начальства“²⁾.

Поэтому, подозрѣвая въ совершенномъ преступленіи посланную въ секреты въ ночь съ 16-го на 17-е Марта команду казаковъ подь начальствомъ урядника Банникова, сотникъ Отченашенко молчалъ. Молчали бы очевидно и другіе офицеры, и дѣло кануло бы въ лету, если бы не болтливость казаковъ. Русскій человѣкъ очевидно не могъ

¹⁾ Докладъ войскового дежурства 1853 года.

²⁾ Предписаніе командующаго войсками Кавказской линіи и Черноморіи отъ 12-го Сентября 1852 года № 19587.

примириться съ ужасомъ преступленія. Слухъ объ убійствѣ дошелъ до воинскаго начальника Самашкинской станицы маіора Баженова, находившагося не въ ладахъ съ казачьимъ начальствомъ. Онъ донесъ о звѣрствѣ начальнику Верхне-Сунженской линіи, а послѣдній всеильному князю Александру Ивановичу.

Князь Барятинскій, тогда начальникъ Лѣваго фланга, приказалъ тому же маіору Баженову начать слѣдственное производство, при чемъ депутатомъ отъ I-го Сунженскаго полка былъ назначенъ сотникъ Отченашенко. Дѣло принимало скверный оборотъ.

Уже дней черезъ пятнадцать послѣ происшествія въ Самашки прибылъ Предмировъ. Онъ собралъ всю сотню и допрашивалъ казаковъ. Однако никто не сознался. Командиръ приказалъ сотнику Отченашенко: „непремѣнно отыскать мошенниковъ“.

Сотникъ принялъ „многія мѣры къ тому“. Онъ послалъ между прочимъ отставнаго урядника Павла Горепекина со стариками по станицамъ для обыска по домамъ говядины отъ зарѣзанныхъ быковъ.

Найдено, однако, ничего не было. Но поиски шли, такъ сказать, сами собою. Урядникъ Банниковъ „невинно страдалъ въ подозрѣніи“. Страдали и ходившіе въ секреты съ нимъ казаки. Общественное мнѣніе станицы очевидно порицало звѣрское преступленіе, и знавшіе виновныхъ рѣшили выдать убійць.

Случайно возвращаясь изъ станицы Слѣпцовской въ Самашки, сотникъ Отченашенко „завелъ разговоры“ съ слѣдовавшими съ нимъ казаками Ѳедоромъ Неткачевымъ и Михайлою Чередниковымъ. „Удивляюсь“, сказалъ сотникъ, „что такъ секретно сдѣлали надъ Азіатскими женщинами, и нельзя открыть онаго“.

Казаки помялись. Но затѣмъ передали сотенному слухъ, что казаки Ястребовъ и Петровъ поссорились изъ-за дѣлежа вещей убитыхъ женщинъ. Выяснилось также изъ дальнѣйшей бесѣды, что тѣже лица палили у себя воловыи ноги.

Нитка была найдена. Клубокъ началъ разматываться. Прибывъ въ станицу, Отченашенко позвалъ судью Мирошниченко и урядника Банникова. Первому было поручено вновь обыскать подозрѣваемымъ, послѣднему начальникъ посоветовалъ дѣйствовать настойчивѣе.

Обыскъ ничего положительнаго не далъ, но Мирошниченко вынесъ твердое убѣжденіе въ виновности Ястребова. Банниковъ же привелъ казака Ивана Мотылева, который рассказалъ:

„Въ Мартѣ, какъ то разъ, когда я спалъ, въ домъ вошелъ братъ Калина: „Вставай, пойдемъ со мною, мы привели оленя!“

Быка зарѣзали и подѣлили находившіеся тутъ казаки: Калина Мотылевъ, Родіонъ Ястребовъ, Яковъ Петровъ, Иванъ Якушевъ, Константинъ и Павелъ Степановы и Минай Куриленко.

Признаніе Ивана Мотылева сотнику Отченашенко раскрыло дѣло. Потребованные въ правленіе Ястребовъ, Якушевъ и Петровъ немедленно сознались въ преступленіи.

Дѣло произошло такъ.

16-го Марта въ сумеркахъ, безъ вѣдома начальства, семь казаковъ пошли на охоту къ сторонѣ Закавъ-Юрта *). Увидѣвъ тихонько ѣхавшую арбу съ туземками, по предложенію Ястребова, казаки скрытно ее окружили и погнали оврагомъ къ обрыву около Сунжи. Наступила уже ночь, и женщины кричали, плакали и умоляли казаковъ не обижать ихъ, взять все, но только отпустить живыми. Однако просьбы не подѣйствовали на казаковъ—разбойниковъ. Мотылевъ, ударомъ ружья въ голову, заставилъ замолчать одну изъ громче кричавшихъ женщинъ. Остальныя въ страхѣ замолкли. Тогда, выпрягнувши воловъ, Мотылевъ подвинулъ ближе къ яру арбу и вмѣстѣ съ Куриленко начали сталкивать ее въ кручу. Одна изъ женщинъ успѣла выскочить съ ребенкомъ на рукахъ, а остальныя вмѣстѣ съ арбою покатались въ оврагъ. Якушевъ, подбодряемый Ястребовымъ, ударилъ прикладомъ ружья въ голову спрыгнувшую женщину и сшибъ въ кручу. Она выпустила изъ рукъ ребенка, который и покатался вслѣдъ за матерью въ яръ.

Спустившись въ оврагъ, Константинъ и Павелъ Степановы ограбили Чеченокъ и шашками изрубили двухъ еще полуживыхъ женщинъ. Затѣмъ, захвативъ быковъ, одѣяло, бешметъ, ожерелье дѣвочки изъ мелкой монеты (на рубль двадцать копѣекъ) и узелъ, заключавшій въ себѣ выкроенный шелковый бешметъ и рубашку, два мотка шелку, козловый поясъ, казаки переправились черезъ Сунжу и лѣсомъ пошли въ Самашки. Опасаясь уликъ, они бросили въ лѣсу все награбленное за исключеніемъ быковъ и ожерелья...

На окликъ часового при воротахъ „что вы за люди“ разбойники отозвались казаками Ассинской станицы, будто ѣхавшими съ сѣномъ, у которыхъ по дорогѣ сломалась телѣга.

Въ станицѣ казаки подѣлили быковъ. Ожерелье досталось Куриленкѣ, Петрову и Константину Степанову.

На дворѣ казака Константина Степанова увидѣли быка. „Гдѣ взяли?“ спросилъ Иванъ Мотылевъ. „Богъ далъ“.

*) Повелѣніе главнокомандующаго отъ 9 Марта 1853 года № 516.

Всѣ семь казаковъ были преданы суду. Полевой аудиторіатъ, по разсмотрѣніи дѣла, нашелъ главнѣйшими виновниками казаковъ Ястребова и Якушева и высказалъ заключеніе: Ястребова, какъ зачинщика разстрѣлять, Якушева, Константина и Павла Степановыхъ наказати шпицрутенами, прогнавъ черезъ пятьсотъ человекъ каждаго по шести разъ, а остальныхъ трехъ (Мотылева, Петрова и Куриленко) прогнати также черезъ пятьсотъ человекъ, по четыре раза. Затѣмъ Якушева и обоихъ Степановыхъ сослать въ Сибирь въ каторжныя работы безъ срока, а остальныхъ на пятнадцать лѣтъ. Казнь и экзекуцію произвести въ станицѣ Самашкинской въ присутствіи депутатовъ отъ мирныхъ Чеченцевъ.

Заключеніе это было конфирмовано главнокомандующимъ генераль-адъютантомъ княземъ Воронцовымъ и приведено въ исполненіе.

Казачье войсковое начальство не оставило со своей стороны ужаснаго „Самашкинскаго звѣрства“ безъ вниманія. Еще 31 Декабря 1852 года наказный атаманъ генераль-маіоръ князь Эрнстовъ опубликовалъ это преступленіе по войску, предписавъ имѣть приказъ на стѣнкахъ въ станичныхъ правленіяхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ 1-го Сунженскаго полка.

Но уже въ 1855 году командовавшій 1-мъ Сунженскимъ полкомъ доносилъ временно завѣдывающему Кавказскимъ линейнымъ войскомъ полковнику Мейеру 3-му:

„Казаки, сдѣлавшіе поступки по суду наказаны: одни смертью, а другіе ссылкой въ Сибирь въ каторжныя работы. Между тѣмъ пятно постыжковъ ихъ оставлено на первомъ Сунженскомъ полку, заслужившемъ славу блистательными подвигами мужества и храбрости подъ предводительствомъ генераль-маіора Слѣпцова, павшаго вмѣстѣ съ храбрыми Сунженцами въ дѣлѣ съ непріателемъ 10 Декабря 1851 года. и сподвижника его полковника Предимирова. По вступленіи въ командованіе 1-мъ Сунженскимъ полкомъ, онъ нашелъ всѣхъ чиновъ въ отличномъ состояніи, исполняющими въ точности обязанности службы, перенося безропотно всѣ трудности въ походахъ при недостаткахъ, постигшихъ ихъ отъ неурожая хлѣбовъ сряду въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и ведутъ жизнь нравственную, строго соблюдая дисциплину, покорные и расположенные другъ къ другу взаимно.

Прежній духъ храбрости, поселенный въ нихъ генераломъ Слѣпцовымъ, сохранили вполнѣ, въ ихъ послѣднемъ походѣ за Аргуня убъ-

дился я лично самъ. Первый Сунженскій полкъ вполне заслуживаетъ чести и похвалъ, но поступки казаковъ Самашкинской станицы чернятъ его славу.

Самая станица Самашкинская, жители которой сдѣланнымъ злодѣяніемъ наложили пятно на сунженцевъ, больше не принадлежитъ къ 1-му полку¹⁾.

А потому прошу одну милость: приказать снять вывѣску, опозоривающую полкъ. Ручаюсь, что всѣ чины командуемаго мною полка употребятъ всѣ усилія, чтобы оправдать ваше вниманіе²⁾.

Представленіе это было уважено. Наказный атаманъ генералъ-маіоръ Рудзевичъ разрѣшилъ: приказъ бывшаго наказнаго атамана г. м. князя Эристова о злодѣйскихъ поступкахъ жителей Сунженской станицы снять со стѣнъ всѣхъ станичныхъ управленій полка и хранить только при дѣлахъ.

Самашкинское звѣрство нынѣ совершенно изгладилось изъ памяти казаковъ Сунженскихъ станицъ.

Федоръ Чернозубовъ.

¹⁾ Вошла въ составъ 2-го Сунженскаго полка.

²⁾ Дѣло Архива войск. дежурства № 638, связка № 44.